

Александр Марьинских

**Первооткрыватели. С чего
начинался Газпром.**

Александр Марьинских Первооткрыватели. С чего начинался Газпром.

<https://litres.ru/74421654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга — о людях, которые нашли газ в сибирской тайге. О геологах, буровиках, инженерах, министрах. О тех, кто мёрз в палатках, рисковал карьерой и жизнью, чтобы страна получила тепло. И о тех, кто продолжает их дело сегодня.

Автор — действующий инженер строительного контроля. Он проверяет сварные швы на магистральных газопроводах. И в гуле труб он слышит голоса тех, кто стоял у истоков. Быстрицкий, Пастухова, Ровнин, Кортунов, Байбаков, Эрвье, Салманов, Черномырдин. Они не были героями. Они просто делали свою работу. В холоде, в тайге, вдали от дома.

«Первооткрыватели» — это не учебник истории. Это голос человека, который стоит у трубы сегодня. И голоса тех, кто стоял у неё вчера.

Александр Марьинских Первооткрыватели. С чего начинался Газпром.

Александр Александрович Марьинских

Первооткрыватели.

С чего начинался Газпром

Югорск

2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступление

Глава 1. Три нитки

Глава 2. Человек, который перенёс вышку

Александр Григорьевич Быстрицкий

Глава 3. Та, кто зарисовала момент

Таисия Никифоровна Пастухова

Глава 4. Тот, кто запечатлел момент

Георгий Дмитриевич Добровольский

Глава 5. Тот, кто настоял

Лев Иванович Ровнин

Глава 6. Тот, кто построил систему

Алексей Кириллович Картунов

Глава 7. Тот, кто держал страну

Николай Константинович Байбаков

Глава 8. Тот, кто собрал команду

Рауль-Юрий Георгиевич Эрвье

Глава 9. Тот, кто нашёл нефть в Сибири

Фарман Курбан-оглы Салманов

Глава 10. Тот, кто создал Газпром

Виктор Степанович Черномырдин

Глава 11. Тот, кто построил город

Евгений Николаевич Яковлев

Глава 12. Тот, кто держал систему

Юрий Васильевич Бутурлакин

глава 13. Тот, кто строил дом

Александр Александрович Костин

Глава 14. Югорск

Глава 15. Их голоса

Послесловие

Список литературы и источников

вступление

Меня зовут Маринских Александр Александрович. Мне тридцать шесть лет.

Я родился в Тюмени. Вырос в посёлке Малиновский. Закончил школу, потом учился в Югорском колледже, затем была армия. После армии поступил в Южно-Уральский государственный университет. Пока учился — работал на стройке каменщиком.

Руки помнят тяжесть раствора, запах цемента, мозоли, которые не успевали заживать до следующей смены. Это была честная работа. Она научила меня одному: если взялся за дело — делай его так, чтобы не стыдно было показать. Было тяжело. Мне тогда исполнилось двадцать, опыта не было совсем. Бывали дни, когда хотелось бросить всё. Но именно тогда я понял одну вещь: если хочешь иметь то, чего не имеешь, нужно заниматься тем, чем не занимался.

Потом переехал в Югорск. Работал преподавателем в том самом колледже, в котором учился сам. Вёл практику у студентов — учил их строительным дисциплинам. Учил тому, что сам умел. Потом ушёл в плиточники. Работал в ЛПУ МГ на третьей площадке. Три года. И снова руки в цементе, снова усталость в спине. Мне нравилась моя работа. Нравилось видеть результат своих трудов.

А потом появилась возможность стать инженером. Я перешёл в строительный контроль. Сначала было страшно — новая профессия, новая ответственность. Но у меня было правило: то самое, которое я взял за основу, когда начинал заниматься чем-то новым. И я быстро втянулся.

Третий год я работаю инженером строительного контроля. Проверяю сварные соединения, качество нанесения изоляционного покрытия, участвую во входном контроле материалов для капитального ремонта. Слушаю гул соседних ниток.

Говорят, три года — это мало. Но за это время я успел проверить тысячи стыков, побывать в десятках командировок, увидеть Север разным: злым, холодным, белым, тихим. И я понял: стаж не в годах. Стаж в том, сколько раз ты подошёл к трубе и понял, что шов держит.

Я живу в Югорске. У меня есть жена и дети. Когда я уезжаю в командировки, я оставляю их дома. И каждый раз, когда возвращаюсь, вижу, как они ждали. Это тяжело — быть далеко. Но я знаю: моя работа даёт им тепло. И тысячам других людей. Это помогает мне вставать каждый день и идти

на трассу. Проверять стыки. Слушать гул. Думать о тех, кто был до меня.

Я не знал их лично. Я не стоял рядом с ними. Но когда я проверяю трубу, я слышу их. Они идут сквозь металл, сквозь время, сквозь холод. Я хочу, чтобы вы тоже их услышали.

глава 1. Три нитки

Средняя нитка — моя. Левая и правая — рабочие, по ним идёт газ. Гул чувствуется даже через подошвы сапог. Я стою рядом и жду, когда перекроют мою секцию.

Начинается капитальный ремонт. Через первую нитку сделали временный переезд из защитных плит — техника идёт по настилу, чтобы не повредить действующий газопровод. Нарушение изоляции, искра — последствия могут быть самыми серьёзными. Газ не прощает ошибок.

Подхожу к стыку. Два конца трубы соединены, сварной шов без пор, геометрия в допуске. В планшете — проектная документация: диаметр, марка стали, рабочее давление, глу-

бина заложения. Всё соответствует требованиям.

Это моя работа. Строительный контроль — проверка качества выполненных работ на соответствие СНиПам, ГОСТам и сводам правил. Оформление актов. Я отвечаю за каждый стык. За то, чтобы газ пошёл по трубе, а не в землю. Чтобы не рвануло. Чтобы не убило.

Снимаю рукавицу, прикасаюсь к металлу. Холодный, гладкий. Но там, где прошла сварка, ещё чувствуется едва заметное тепло — живое, человеческое. Металл помнит горелку.

Снег скрипит под ногами, мороз обжигает лицо, ветер сбивает дыхание. Моя нитка молчит. Но её молчание — не пустота. Это ожидание. Скоро здесь пойдёт газ.

Рядом работают две другие. И в их гуле — они. Те, кто был до нас. Те, кто стоял на этой земле, когда здесь ещё не было труб. Без техники, без вагончиков, без связи. Только руки, лопаты и вера. И мороз под сорок.

Вечер. Гостиница в одном из посёлков на Крайнем Севере. Маленькая комната: кровать, тумбочка, стол, телевизор, который я не включаю уже третью неделю. За окном — тундра, снег, ветер.

Командировки давно стали частью жизни. Но каждый раз, когда я уезжаю, в груди остаётся что-то незакрытое. Жена остаётся с детьми. Я — за тысячи километров от дома.

Звоню ей вечером. Голос в трубке — тёплый, родной. Она говорит, что всё хорошо, что дети уже спят. Я знаю: она не говорит всей правды. Не говорит, как устала. Как тяжело одной. Как скучает. Я слышу это в паузах, в голосе — он становится тише, когда она хочет скрыть усталость. И когда я кладу трубку, тишина в номере становится тяжелее любой работы на трассе.

Каждый отъезд — это выбор. И я его делаю. Не потому что хочу. Потому что надо.

Сажусь за стол. Планшет в руках — не для актов и не для

графиков. Я ищу их.

Набираю в поиске: «Березово газ 1953».

Экран загорается. Статьи, ссылки, чёрно-белые фотографии. На одной — тайга, буровая вышка, люди в телогрейках. Времени не осталось — только лица. Усталые, обветренные. Но в глазах — не сомнение.

Быстрицкий, Пастухова, Добровольский, Ровнин. Фамилии, которые я раньше не знал. Но я чувствую: они были здесь. Стояли на этом снегу, дышали этим воздухом, мёрзли в этих палатках. У них не было ГОСТов и СНИПов. У них были руки и вера.

Как они выдерживали?

Гостиничная тишина не давит — просто ждёт. Ждёт, когда ты останешься один на один с собой.

Ложусь на кровать. Смотрю в потолок. Вспоминаю трубу. Три нитки. Две работают. Моя молчит. Они тоже были дале-

ко от дома. Только у них не было гостиниц. Были палатки, снег, вера — и ни одного документа, который бы гарантировал успех.

Как они не сломались? Как не ушли?

Не знаю. Но они не ушли. И я, стоя на снегу, проверяя стыки, — я их продолжение.

Утро. Снова на трассе. Мороз, ветер, снег под ногами. Три нитки. Две гудят — я слышу их телом. Моя молчит.

Но когда-нибудь она загудит. И тогда я вспомню этот день. И тех, кто был до меня.

Телефон. Заметки. Одно слово: Березово.

Надеваю рукавицу. Проверяю следующий стык.

глава 2. Человек который перенес вышку

Александр Григорьевич Быстрицкий

На планшете — чёрно-белая фотография. Потёртая по краям, с заломленным углом. Он стоит на фоне тайги. Молодой, худой, в телогрейке. Руки опущены, пальцы сжаты. Смотрит прямо в объектив. Не просит, не объясняет. Просто знает.

Рядом — другая. Он уже старый, седой, с орденами на груди. Сидит на лавочке в Тюмени, смотрит в сторону. В глазах тот же свет. Не погас.

Два снимка. Одна жизнь. Сорок лет между ними.

Быстрицкий родился в 1911 году в селе Новая Водолага Харьковской губернии. Сын крестьянина. В доме — пятеро детей, все спали на одной печи. Отец пахал от зари до зари, мать стирала, пряла, пекла хлеб. Жили бедно, но не жаловались.

С малых лет он знал: земля не просто поле. В ней есть что-то, чего не видно глазами. Он часто уходил в поле один, ложился на траву, прижимался ухом к земле и слушал тишину. Не пустую. Ту, в которой есть обещание. Он ещё не знал, что это газ. Но чувствовал: под ним что-то есть. Глубокое, древнее, живое.

Отец будил его затемно: «Вставай, хлеб не ждёт». Он вставал, шёл за плугом, вдыхал запах свежевспаханной земли. Руки помнили тяжесть плуга, запах соломы на сеновале, холод утренней росы. Это была его школа. Не та, где буквы, а та, где руки.

В шестнадцать он ушёл из дома. Сначала уездное училище, потом Харьков, потом Киев. Денег не было — ехал на попутных подводах, ночевал в сёлах. Однажды его не пустили переночевать. Спал в стогу сена, смотрел на небо и думал: «Я выдержу. Я должен выдержать». Это стало его правилом на всю жизнь.

В 1937 году окончил Киевский горный институт. Диплом горного инженера. Мог бы работать где угодно — шахты, заводы, стройки. Но через четыре года началась война.

Штурман бомбардировщика. Южный фронт, 4-й Украинский, 3-й Белорусский. В кабине самолёта было холодно даже летом. Пальцы немели на штурвале. Однажды его самолёт подбили — он чудом выжил. Выбирался из горящей кабины, слышал, как свистят осколки. Не думал о смерти. Думал о том, что не успел сделать. В 1945-м штурмовал Кёнигсберг. Город пал. После этого он перестал ждать. Понял: жизнь не даёт времени на раздумья.

После войны остался в армии на несколько лет. Командовал полком. Демобилизовался. Мог бы остаться в Москве, но выбрал Сибирь. Не потому что хотел подвига. Потому что чувствовал: там, под тайгой, есть газ.

1948 год. Берёзово. Место, где нет дорог, тайга стеной, зимой слёзы замерзают на ресницах. Он стал начальником Березовской буровой партии. С женой и маленьким сыном поселились в вагончике. По ночам вода в кружке замерзала. Спали в одежде. Жена молчала, не жаловалась. Но он видел, как она смотрит на тайгу. Бесконечную, чёрную. Её руки дрожали, когда она зажигала керосиновую лампу. Он понимал: он отвечает не только за газ. За неё, за сына. За то,

чтобы она не сломалась.

Два года он искал место. Изучал породы, смотрел карты, чувствовал землю. Ночью сидел при свете керосиновой лампы, чертил, считал. Пальцы дрожали от холода, чернила замерзали в чернильнице. Он отогревал их дыханием. Жена иногда просыпалась, видела свет, ставила перед ним кружку чая и молча ложилась обратно.

Зимой 1952 года он принял решение. Перенёс вышку на полтора километра от утверждённого места. Туда, где, как он чувствовал, газ есть. Не согласовал, не спросил. Просто взял и сделал.

Он знал, что это нарушение. Знал, что будет наказан. Но не мог иначе. Слишком долго ждал, слишком долго искал. Сказал бригаде: «Переносим вышку. Я отвечаю». И они перенесли.

За это его отправили в Покровскую партию. Формально — за самовольство. Неформально — закрывали от ареста. Кто-то наверху понял: если Быстрицкого арестовать, газ не

найдут никогда. Поэтому просто убрали с глаз. Он не спорил. Сказал: «Хорошо». Собрал вещи, уехал. Жена молчала. В глазах — понимание. Она знала, что он прав.

Его не было на месте, когда 21 сентября 1953 года из скважины Р-1 ударил фонтан. Он работал в Покровской партии, за сотни километров от Берёзово. Узнал о фонтане через несколько дней. Не сказал ни слова. Просто сел на нары, закрыл глаза и выдохнул. Он не плакал. Не смеялся. Он просто знал — его решение было правильным.

Вернулся в Берёзово весной 1954 года. Когда сошёл снег, когда дороги стали проходимыми. Подошёл к скважине, положил руку на трубу. Она была тёплой. Металл хранил тепло газа, который шёл из-под земли. Не сказал ни слова. Просто постоял, посмотрел на белую стену тайги и ушёл.

1964 год — Ленинская премия. Высшая награда страны. Он участвовал в открытии восьми газовых и пяти нефтяных месторождений в Западной Сибири. Его имя вписано в историю. Он об этом не думал. Он думал о газе. О том, как его найти, как добыть, как сохранить.

24 апреля 1979 года. Тюмень. Шестьдесят восемь лет. Он умирает, оставляя после себя систему, которая будет работать десятилетиями.

Я откладываю планшет. На экране — сухие строчки биографии. Даты, цифры, названия. За ними — человек. Который не боялся ошибаться. Который не боялся, что его уволят. Который просто знал, что надо делать — и делал.

Он стоял в конторе, слушал приказ об увольнении, смотрел в окно на серую тайгу. Она дышала. Он чувствовал это каждой клеткой. И он остался.

глава 3. Та, кто зарисовала момент

Таисия Никифоровна Пастухова

Я держу в руках рисунок. Старый, выцветший, с заломленными углами. Бумага пожелтела, края обтрепались, на одном углу — тёмное пятно, похожее на след от воды. На нём — вышка, столб белого огня, снег. Линии неровные, дрожа-

щие. В некоторых местах грифель ломался, и художница начинала линию снова — чуть выше, чуть правее, чтобы не потерять контур.

Провожу пальцем по бумаге. Она шершавая, сухая, почти хрупкая. Бумага пахнет временем и пылью. Представляю её на том месте. Мороз, тайга, карандаш в руке, блокнот на коленях. Снег падает на бумагу, тает, оставляет мокрые точки. Она не обращает внимания на холод, на посиневшие пальцы, на потрескавшиеся губы. Она видит только огонь. Белый, живой, уходящий в небо, касающийся облаков. Она знает: если не запечатлеет это, детали исчезнут, останется только воспоминание.

Смотрю на этот рисунок. В нём — её работа. Её профессиональный долг. Её вклад в общее дело. Её голос, застывший на бумаге.

Её звали Таисия Никифоровна Пастухова. Родилась на Урале, в рабочей семье. Дом деревянный, низкий потолок, зимой окна замерзали. Она дышала на стекло, чтобы увидеть улицу. Отец работал на заводе, мать вела хозяйство. В семье говорили мало, работали много. С раннего детства она зна-

ла, что такое ответственность. Нянчила младших, ходила за водой, помогала матери. Но внутри неё жило другое. Она не хотела сидеть дома. Она хотела видеть мир. Она хотела знать, что скрыто под землёй.

Она смотрела на карты в учебниках, забиралась на чердак, находила старые журналы с фотографиями геологов. Они стояли в тайге, рядом с вышками. В их глазах — усталость, но не сомнение. Она хотела быть как они. Стоять там, где никто не стоял. Слышать землю. Не могла объяснить словами, но чувствовала — это её путь.

Когда сказала отцу, что хочет быть геологом, он усмехнулся: «Ты же девушка. Геолог — это для мужчин». Не спорила. Уехала в Свердловск. Поступила в горный институт. Училась наравне с мужчинами, жила в общежитии, ела хлеб с водой. По ночам сидела в библиотеке при керосиновой лампе, читала книги по геологии, запоминала названия пород, училась читать карты. Было трудно, но не жаловалась. Вернулась с дипломом. Отец молчал. Но она видела его глаза.

1952 год. Её отправили в Берёзово. Самолёт летел над тайгой — часы, потом дни. Внизу — бесконечный лес. Ни огней,

ни дорог. Только тайга. Не знала, где они сядут. Не знала, что её ждёт. Потом лодка по реке. Холодная вода, ветер, комары — тучами. Сидела на доске, смотрела на берег. Потом пешком. Тропа через болота. Сапоги вязнут в грязи. Идёт, смотрит под ноги, чтобы не упасть. Слышит, как за спиной тяжело дышат другие. Идёт. Чувствует, как ноги немеют от холода, как ветер сбивает дыхание.

Когда вышла из машины, тайга стояла стеной. Мокрой, тёмной, бесконечной. Ветер с реки, леденит шею. Пахнет хвоей и болотом. А потом увидела вышку. Кривую, ржавую, железную. Стояла среди тайги как дерево, выросшее из ниоткуда. На душе стало спокойно. Это её место.

Мужчины сначала не воспринимали её всерьёз. Молодая, хрупкая, с тонкими руками. Смотрели с усмешкой. «Сиди в палатке, бумажки заполняй». Слышала это каждый день. За спиной, ночью, когда думали, что она спит. Не спорила. Не доказывала. Просто работала.

Вставала раньше всех. Пока мужчины ещё спали, она уже сидела у вышки, записывала показания, сверяла данные. Заваривала чай, ставила на печку кастрюлю с водой. Не говорила им: «Смотрите, я делаю больше вас». Просто делала. Сна-

чала не замечали. Потом привыкли. Потом перестали удивляться. Стала частью их мира.

Мёрзла у вышки по двенадцать часов. Записывала показания, зарисовывала разрезы. Руки в кровь, губы обветренные. Ветер с реки бил в лицо, она щурилась, но не уходила. Знала: если уйдёт — они подумают, что слабая. Что женщина не выдерживает. Что геология — не для неё. Не дала им этой мысли.

Работала ночами. Когда мужчины расходились по палаткам, оставалась у вышки. При свете керосиновой лампы, в тишине, которую нарушал только ветер и гул механизмов. Куталась в телогрейку, перечитывала записи. Пальцы кочнели, дышала на них, но не останавливалась. Знала — ошибиться нельзя. Если ошибётся — газ не найдут. И всё будет зря.

В письмах домой не жаловалась. Писала матери: «У меня всё хорошо. Погода холодная, но привыкла. Кормят нормально. Работа интересная». Не писала, что ночью плакала в подушку. Что хотелось сдаться. Что чувствовала себя чужой среди этих людей. Просто запечатывала конверт дрожащими

руками.

Она искала газ. Не потому что приказали. Не потому что работа. Искала, потому что чувствовала. Знала, что он есть. Где-то под этой мёрзлой землёй, среди вечной мерзлоты, под слоем глины и песка — он ждал. Чувствовала это. Не могла объяснить словами — просто знала. Так же, как знала, что утром взойдёт солнце.

Иногда останавливалась и просто стояла. Закрывала глаза. Слушала тишину. Ветер, снег, далёкий гул генератора. Пыталась услышать его — газ. Знала, что он там. Просто нужно подождать. Просто нужно верить. Верила. И ждала.

21 сентября 1953 года. Обычный день. Стояла у буровой, записывала глубину. Блокнот в руках, карандаш, ветер. Не ждала ничего особенного. Просто делала работу. Ветер дул с реки, холодный, сырой. Поправила воротник телогрейки, записала очередную цифру. Механизмы гудели где-то внизу. Сделала шаг, чтобы проверить показания манометра.

Дрожь. Сначала лёгкая, будто кто-то тронул за плечо. Замерла. Подняла голову. Прислушалась. Земля качнулась.

Почувствовала это через подошвы сапог. Будто кто-то снизу толкнул. Строчка в блокноте поплыла. Не поняла, что это. Подумала, что показалось. Но земля качнулась снова.

Потом — звук. Глухой, низкий, шёл откуда-то снизу. Не взрыв, не гром. Как будто зверь проснулся и зарычал. Из скважины вырвался белый столб. Живой. Двигался, клубился, расширялся у основания. Казалось, накроет их всех. Запах — тяжёлый, сладковатый, с примесью серы. Смешался с воздухом, осел на языке. Вдохнула — и качнуло, голова закружилась, в ушах зазвенело.

Побежала. Не знала куда, зачем. Просто побежала. Упала. Не почувствовала боли. Посмотрела на огонь — взметнулся, белый, почти прозрачный. Глаза слезились, шурилась, смотрела сквозь слёзы. Огонь казался двойным. Плакала. Не от страха — от того, что видит это. Своими глазами. Рождение чего-то огромного.

Лежала в грязи, в жиже, которая чавкала под ней, и не могла встать. Ноги не слушались. Смотрела на белый столб, бьющий в небо. Он был красивым. Таким красивым, что перехватывало дыхание. Не знала, сколько прошло времени.

Минута, десять, час. Не чувствовала холода. Не чувствовала страха. Чувствовала только одно: это надо запомнить. Каждую деталь.

Потом встала. И пошла рисовать. Мороз под сорок. Карандаш ломался, деревяшка трескалась, грифель рассыпался. Садилась на корточки, грела его под мышкой, дышала на грифель. Пальцы синие, не гнутся — но она рисовала. Выводила линии, снова и снова, линии дрожали, но она не останавливалась.

Не знала, зачем это делает. Знала только одно — должна. Должна оставить след. Чтобы было что показать потом. Тем, кто не видел. Тем, кто не поверит. Тем, кто скажет, что это сон или выдумка. Рисовала, пока карандаш не рассыпался в пальцах. Потом достала второй. И продолжила.

Сидела в снегу. От холода ныли колени, перебирала замёрзшими пальцами, выводила линии. Казалось, что слышит этот огонь. Не ушами — телом. Как он гудит, как тянется к небу, как живёт своей жизнью. Водила карандашом по бумаге. Получалось похоже. Не точно — похоже. Но главное — правильно.

Не знала, что её рисунки будут хранить в архивах. Не знала, что через сорок лет какой-то инженер из Югорска будет держать их в руках. Просто рисовала. Потому что не могла иначе. Потому что это был её способ сказать: «Я была здесь. Я видела это. Я не дала этому исчезнуть».

Сорок лет спустя она держала в руках свои старые рисунки. Выцветшие, мятые, с пятнами — где-то намокли, где-то прожжены. Смотрела на них и не узнавала себя. Та девушка — с чёлкой, в телогрейке, с красными от ветра глазами — была другой. Не боялась холода. Не знала, что такое усталость. Просто рисовала. Не знала, что станет историей. Просто не могла иначе.

Смотрю на её рисунки. На линии, которые дрожат. На бумагу, которая хранит холод того дня. Она сохранила его. Оставила на бумаге, чтобы он не исчез. И когда я держу эти рисунки в руках, я вижу её руки, которые замерзали, но не останавливались. Её веру. Её память.

Она сохраняла память. Я сохраняю трубы. Мы делаем од-

но дело. Не даём исчезнуть тому, что было. И тому, что будет.

глава 4. Тот, кто запечатлел момент

Георгий Дмитриевич Добровольский

Я держу в руках старую фотографию. Чёрно-белую, потёртую по краям, с заломленными углами. На обороте — надпись, сделанная чернилами, которые почти выцвели. Подношу к свету, шурю, пытаюсь разобрать буквы. Кажется, дата. Или просто имя. Бумага тонкая, ломкая — боюсь сжать сильнее, чтобы не порвать. На ней — белый столб огня, уходящий в небо. Снимок сделан с земли, снизу вверх. Видно, как дрожит воздух вокруг пламени. Как снег на переднем плане подсвечен этим белым светом. Свет, рождённый газом, который вырвался из-под земли и загорелся.

Не знаю, кто держал эту фотографию до меня. Не знаю, сколько рук к ней прикасалось. Знаю одно: её сделал человек, который не мог остаться в стороне. Который не мог просто смотреть. Который должен был запечатлеть.

Георгий Дмитриевич Добровольский. Родился в 1923 году в Тобольске. Отец работал на речном пароходстве, мать занималась домом. Жили бедно, но не бедствовали. В доме всегда были книги. Отец привозил их из командировок, мать читала вслух по вечерам. Добровольский с детства любил читать. Прочитал всё, что было в доме — от учебников до старых журналов. Любил науку, любил понимать, как устроен мир. В школе ему легко давались физика и математика. Мог объяснить любую формулу так, что даже одноклассники, которые не любили точные науки, начинали понимать.

Когда началась война, ушёл на фронт добровольцем. Ему было девятнадцать. Воевал в 22-м стрелковом полку 92-й стрелковой дивизии. Был разведчиком, потом наводчиком орудия. Участвовал в боях под Сталинградом, в Ленинграде, на Малой Земле под Новороссийском. Дважды ранен, каждый раз возвращался в строй. В 1945-м, после Победы, отправили на Дальний Восток — воевать с Японией. Вернулся домой с орденами, медалями, с усталостью.

Не мог оставаться в прошлом. Хотел строить будущее. Поступил в институт, выучился на учителя физики. По распределению уехал в Берёзово. Маленькая школа, деревян-

ное здание, дети, которые никогда не видели города. Стал для них проводником в мир науки. Объяснял им, как работает электричество, как движутся планеты, как устроен свет. Учил их видеть мир по-другому.

Иногда выходил на улицу с фотоаппаратом. Купил его на барахолке в Тюмени за три рубля — старый, потёртый «ФЭД», с царапинами на корпусе, но с чистым объективом. Фотографировал тайгу, снег, реку Северную Сосьву. Хотел запомнить это место. Не знал, что однажды его фотоаппарат сохранит момент, который войдёт в историю.

22 сентября 1953 года. Добровольский проснулся от странного звука. Сначала подумал — выстрел. Может, охотники где-то рядом. Берёзово — тайга, здесь часто стреляют. Но звук повторился. Глухой, низкий, шёл откуда-то из-под земли. Как будто земля застонала. Как будто внутри неё что-то огромное проснулось и заворочалось. Сел на кровати, прислушался. Тишина. Потом — снова. Этот звук был не похож ни на что, что он слышал раньше. Он был плотным, тягучим. Чувствовался не ушами — телом. Как будто кто-то ударил в колокол, только очень глубоко, очень низко.

Встал, подошёл к окну, отодвинул занавеску. Увидел огонь. Белый, странный, непохожий на обычное пламя. Без жёлтого, без красного, без оранжевого. Только белизна. Свет лампы, только огромный и живой. Уходил в небо, касался облаков. Облака становились белыми, подсвеченными снизу. Дыма почти не было. Только свет. И этот звук — ровный, непрерывный гул, чувствовался даже сквозь стены. Стены избы поскрипывали. Стёкла дрожали. Чувствовал, как вибрация проходит через пол, через ноги, через позвоночник.

Добровольский не думал. Просто знал — надо идти. Надо снять это. Схватил фотоаппарат, накинул телогрейку и выбежал из дома. Снег скрипел под ногами, мороз обжигал лёгкие. Бежал, не чувствуя холода. Бежал и думал: «Я должен успеть. Я должен это запомнить». Не знал, что это такое. Не знал, что будет, если подойдёт ближе. Знал только одно: должен. Если не он — никто.

Ему кричали — газ ядовит, нельзя подходить, опасно. Не слушал. Бежал мимо людей, которые отходили в сторону, мимо тех, кто кричал ему вслед. Не останавливался. Не думал о том, что может умереть. Думал только о том, что должен запечатлеть этот момент. Слышал, как кто-то кричит: «Вернись! Ты что, с ума сошёл?» Не обернулся. Просто бе-

жал.

Когда приблизился к скважине, жар ударил в лицо. Сухой, плотный, необжигающий, но ощутимый. Рядом никого — все уже отошли. Стоял один в снегу, перед белым столбом, который ревел. Звук был таким мощным, что вибрация шла через землю, через ноги, через позвоночник. Чувствовал, как гудит в груди, в зубах. Как воздух становится плотным, тяжёлым.

Поднял фотоаппарат. Пальцы замерзли, видеоискатель запотел. Вытер его рукавом. Навёл резкость. Старый «ФЭД» не давал чёткой картинки, но он видел главное — огонь. Видел, как снег тает у основания столба. Как земля вокруг скважины становится чёрной, мокрой. Как пламя уходит в небо, растворяется в облаках. Щёлкнул. Потом второй раз. Потом третий. Три кадра. Три мгновения. Три попытки остановить время.

Хотел сделать ещё, но подошли люди в чёрных плащах. Холодные лица, официальные голоса. «Плёнку. Сейчас же». Мог бы спорить. Но увидел их глаза — они не отступят. Если скажет «нет», заберут камеру, посадят в машину, увезут

неизвестно куда. Открыл фотоаппарат, достал плёнку, отдал. Она исчезла в кармане чёрного плаща. Дверь машины захлопнулась. Остался один в снегу. Рядом — огонь. Фотоаппарат без плёнки. И тишина внутри.

Не знал, что будет дальше. Просто пошёл в школу. Провёл урок, как ни в чём не бывало. Объяснял детям физику, законы Ньютона, электричество, преломление света. Дети слушали, смотрели на него, задавали вопросы. Они не знали, что он видел. Он не рассказывал им. Не рассказывал никому. Даже не записал. Просто убрал этот день в самый дальний уголок памяти, куда не мог найти дороги.

Вернулся в свою комнату вечером. Сел за стол, посмотрел на пустой фотоаппарат. Плёнка исчезла. Кадры исчезли. Смотрел на пустой корпус и чувствовал пустоту внутри. Он снял три кадра, три кадра, которые могли бы стать историей. Теперь их нет. Закрыв фотоаппарат футляром, убрал в шкаф. Не доставал его несколько месяцев. Казалось, что он предал себя. Что мог бы спорить, мог бы рискнуть, мог бы сохранить плёнку. Но не стал. Отдал. И теперь этот день жил только в его памяти. В его голове. В его снах.

Проходили месяцы. Он ходил по Берёзово, смотрел на тайгу, на снег, на редкие огни в окнах. Слышал истории о фонтане, которые передавали из уст в уста. Слышал, как кто-то говорил: «Это было невероятно, никто не видел такого». И он молчал. Он видел. Стоял там. Слышал гул. Держал в руках плёнку, которая могла стать историей.

Проходили годы. Школа, уроки, дети. Учил их физике, показывал опыты, объяснял, как устроен мир. Но внутри него — молчание. Не рассказывал никому о том дне. Просто носил его в себе, как человек носит старую рану, которая не болит, но не заживает. Иногда выходил на улицу с фотоаппаратом, снимал тайгу, снег, реку. Но его фотографии стали другими. Правильными, красивыми, но в них не было того огня. Того белого, живого, горячего.

Не мог снять то, что видел тогда, потому что это было внутри него. Это было частью его. Не мог объяснить это словами. Не мог показать это на бумаге. Просто носил это в себе. И каждый раз, когда слышал гул, вспоминал тот день. Белый свет. Холод, смешанный с жаром. И пальцы, замерзавшие на затворе.

Проходили десятилетия. Он старел, седел, руки уже не так твёрдо держали фотоаппарат. Реже выходил на улицу снимать. Почти забыл, как это было. Почти. В 1993 году пришло письмо. Обычный конверт, марка, штемпель. Открыл его дрожащими руками — ему уже было семьдесят. Внутри лежали три фотографии. Его. Чёрно-белые, потускневшие, с заломленными краями.

Держал их в руках и не мог дышать. Смотрел на молодого человека в очках, в телогрейке, с фотоаппаратом у лица. Он стоял на снегу, прямо перед белым столбом огня. В его позе — что-то отчаянное, яростное. Будто хотел остановить время. Будто знал, что это важно. Будто чувствовал: сейчас — и больше никогда.

Вспомнил всё. Как бежал по снегу. Как замерзали пальцы. Как гудел фонтан. Как стучало сердце. Вкус морозного воздуха, смешанный с запахом газа. Жар на лице. Холод в спине. Тишину после. Понял: он сделал это. Сохранил тот день. Оставил его на бумаге, чтобы он не исчез.

Три фотографии. Три кадра, которые он сделал сорок лет назад. Вернулись к нему. Не через людей, не через архивы,

не через официальные запросы — через обычное письмо из Москвы. Обычный конверт, марка, штемпель. Не знал, кто отправил. Не знал, как сохранились. Но он держал их в руках, и они были настоящими. Чёрно-белые, потускневшие, с заломленными краями. На них — он сам. Молодой, худой, в очках и телогрейке, с фотоаппаратом у лица. Стоит в снегу, прямо перед белым столбом огня. Свет падает на лицо, на руки. Он смотрит на этот свет, глаза широко раскрыты. Страх? Или восторг? Сам уже не помнит. Но на фотографии видно: не думает о смерти. Думает о том, что это надо сохранить.

Смотрел на эти снимки и чувствовал, как время сжимается. Как он снова становится тем молодым учителем. Как снова стоит у скважины и слышит гул. Как снова держит плёнку в руках, чувствует её вес, её холод. Провёл пальцем по краю фотографии. Бумага шершавая, старая. На одной из них, на обороте, увидел свои собственные чернила — ту самую надпись, которую сделал тогда, в 1953-м. Дата. И одно слово. «Память». Не помнил, что написал его. Но оно было там. Его почерк, его рука, его слово.

Не плакал. Просто сидел и смотрел. Долго, очень долго. В комнате было тихо. За окном — снег. Тайга. Ветки дере-

вьев слегка поскрипывали под порывами ветра. Смотрел на снимки, на свет, на снег, на человека, который стоял там и щёлкал затвором, рискуя жизнью. Рискуя тем, что его уволят. Или арестуют. Или просто забудут. Не думал об этом тогда. Просто делал то, что должен. Не ради награды. Не ради признания. Ради того, чтобы мы не забыли.

Сидел и смотрел. Знал, что теперь эти фотографии — не просто картинки. Они — свидетельство. Доказательство того, что это было на самом деле. Что он не выдумал это в своей голове. Что белый столб действительно существовал. Что он стоял перед ним и чувствовал жар. Что это не сон, не бред, не плод воображения. Теперь это видели другие люди. Теперь это стало частью истории.

Смотрю на его фотографию. На белый столб. На снег. На человека, который стоял там и делал невозможное. Он рисковал не ради славы. Он сделал это, потому что не мог иначе. Я проверяю швы, чтобы газ шёл. Он сохранил момент, чтобы мы могли увидеть. Мы оба — хранители. У него — фотоаппарат. У меня — планшет.

Убираю фотографию в папку. Смотрю в окно гостиницы.

За стеклом — снег, трубы, ветер. Где-то там, в тот день, который он запечатлел, — белый огонь. Он идёт сквозь время, сквозь плёнку, сквозь бумагу. Ко мне. Я не был там. Я не стоял рядом. Но я держу в руках его фотографию. И я знаю: он был там. И он сделал это. Чтобы мы могли помнить. И мы помним.

глава 5. Тот, кто настоял

Лев Иванович Ровнин

Приказ. Ксерокопия в папке лежит уже третью неделю. Бумага жёлтая, рыхлая, по краям обтрепалась так, что фамилия Ровнин почти стёрлась. Я боюсь её перелистывать — порвётся. Но каждый вечер в гостинице открываю и читаю.

Сам приказ короткий, сухой, казённый. Ничего героического. Подпись. Дата. И всё. Но я знаю, что за этими сухими строчками стоит человек, который в двадцать четыре года не побоялся сказать «нет» министрам и академикам. Которые были старше его на полвека. И нависали над ним, как скалы над тропой.

Я смотрю на подпись и думаю: а у меня хватило бы смелости? Если бы сегодня мне сказали: «Закрывай объект, денег нет, риска много», я бы спорил? Или прогнулся бы?

Не знаю. Наверное, тоже бы спорил. Но не потому что я смелый. Потому что я видел, как делается работа. И знаю: если сдать её раньше времени — всё зря.

Ровнин родился в 1928 году. Время не выбирают — время выбирает тебя. Детство — война, голод, холод. Отец на фронте, мать с тремя детьми. Она не плакала при них. Только когда ложились спать. Ровнин слышал её всхлипывания в соседней комнате, прижимал подушку к уху, чтобы не слышать. И зарекался: он никогда не будет слабым. Никогда не позволит себе сдаться. Никогда не будет плакать при людях.

Мать работала в госпитале медсестрой. Возвращалась ночью, руки в бинтах, глаза красные. Он видел, как она стирала бинты в холодной воде, чтобы утром снова отнести их в госпиталь. Руки трескались, кровоточили, но она не жаловалась. Она говорила ему: «Лёва, если будешь сильным — выживешь. Если будешь жалеть себя — пропадёшь». Он за-

ПОМНИЛ ЭТИ СЛОВА НА ВСЮ ЖИЗНЬ.

Он помогал ей, как мог. Носил воду, колол дрова, нянчил младших. В школе учился хорошо. Особенно любил географию. Он мог часами рассматривать карты. Водил пальцем по рекам, горам, лесам. Ему казалось, что он видит не просто линии на бумаге — он видит, что под ними. Глубину, которая дышит. Живёт. Ждёт.

Дед, который пережил революцию, иногда сажал его на колени и говорил: «Земля, Лёва, не просто грязь. Это мать. И если ты хочешь узнать её тайны, ты должен слушать. Не ушами — всем телом». Ровнин не понимал тогда. Потом, в тайге, среди вышек и буровых, он понял: дед был прав. Земля говорит. Нужно только уметь её слушать.

В школе одноклассники смеялись над ним. «Зачем тебе эти карты? Кем ты будешь?» Он не обижался. Он знал: будет геологом. Будет искать то, чего никто не видел. Будет стоять там, где никто не стоял.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.